

Смерть Сталина

Помер тот, помрет и этот

Братья Швальнеры

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

THE DEATH OF
STALIN

Братья Швальнеры
Смерть Сталина

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Швальнеры Б.

Смерть Сталина / Б. Швальнеры — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Смотрели нашумевший фильм "Смерть Сталина"? Тогда - самое время прочитать книгу, касающуюся истинного освещения не только событий весны 1953 года, но и их тонкой взаимосвязи с днем нынешним. Если не боитесь проводить исторические параллели, то самое время окунуться в исторические реалии! Содержит нецензурную брань.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

18

Светлой памяти Александра Исаевича Солженицына (1918-2008)

От авторов

Когда в конце 1980-х Эдвард Радзинский начал работать над книгой о Сталине, многие предрекали его труду коммерческий провал – кому интересна биография тирана, чьи злодеяния заставляют волосы на голове шевелиться? Драматург парировал: «Скоро, – говорил он, – Сталин будет на втором или третьем месте по популярности среди политиков». И оказался прав. Разочаровавшись в демократических реформах, страна заголосила: «Вернем все назад!» Портреты Сталина замелькали на демонстрациях коммунистов и ветеранов, парадах Победы и экранах телевизоров.

«Выстрели в прошлое из пистолета, и оно выстрелит в тебя из пушки», – перефразировали китайскую пословицу поклонники культа личности. Все верно, все ничего. Но для того и прошлое, чтобы, вынося из него уроки, не допускать ошибок в будущем. А вот с этим, как оказалось, проблема...

На 2018 год в России пришлось не только премьера нашумевшего фильма «Смерть Сталина», запрещенного по причине оскорбления чувств верующих в отца народов, но и год столетия со дня рождения великого А.И. Солженицына, светлой памяти которого мы и посвятили эту книгу. И тут-то, при встрече этих двух знаменательных культурных событий, и выяснилось вдруг, что никаких уроков мы не выучили. С пеной у рта посредственный режиссер из Мосгордумы Губенко требует не допустить установки памятника Солженицыну! С той же пеной куда более талантливые режиссеры из Думы Государственной требуют запретить показ фильма, унижающего человеческое достоинство «самого живого среди всех живущих на земле людей».

Что это? Невыученные уроки ведут к тем же граблям, к возрождению сталинизма и его бесчеловечных приемов? Ах, как много уже сказано на эту тему в СМИ, что повторять то же самое, но иным текстом – только тратить ваше время! Но что тогда? В чем действительная причина? Да и все ли объясняется историей?

Если да, то, надо сказать, что она циклична – возьмите историю любого народа, и вы увидите, что 90% из них свойственен шовинизм, глобализм, стремление к экспансии. Это значит, что и они скверно учат уроки прошлого? Не знаем, как у других, а у нас это нежелание использовать историю как дорожную карту реформ объясняется чисто ментальными особенностями, о которых мы ранее писали в своей книге «Край спелого боярышника: нерассказанная история России, XX век (в лицах)». Дело тут не в незнании истории. Помним мы и про ГУЛаг, и про миллионы безвинно репрессированных, и про бездарное руководство Сталина в военных структурах. Все помним. Иначе не можем. Пряник не есть эффективный метод управления нашей страной, нам годится только кнут. И чем суровее он лупит по плечам нашим изможденным, тем более готовы мы это терпеть, и тем славнее тот, кто держит в руке его рукоятку.

Любопытный случай. Во время нашего пребывания в СИЗО и работы над книгой «Кончина», один из нас (авторов этой книги) впал, было, в некоторое уныние, вывести его из которого другому было сложно. И тут же окрик начальника: «А-ну, воротник поправь!» не только смахнул сплин с плеч писателя, но и сподвиг его на такие трудовые свершения, о которых другие могли только мечтать!

Теперь о Солженицыне. Сейчас принято обвинять его в призывах нанести ядерный удар по СССР. Что ж, был такой призыв. Но разве сохраняет он сейчас привычную актуальность? Еще Дж. Лоуэлл говорил, что мнений не меняют только дураки и покойники. Разве в ту страну, которую он призывал стереть с лица земли, Солженицын вернулся в 1994 году? С другой стороны – осознавал ли он в 1973 году, во время произнесения своей Гарвардской речи, реальность осуществления своего призыва? Называя Америку величайшей из демократий, конечно,

понимал изгнанный из страны писатель, что ничего подобного с ее стороны осуществлено никогда не будет, потому и сказал так! От отчаяния – не надо забывать, что всего за два года до произнесения этих слов он чудом избежал расстрела и был обречен на скитания за рубежом! Разве нельзя в таком эмоциональном состоянии высказаться подобным образом? Ответа нет – чтобы его дать, надо быть Солженицыным.

Другое обвинение, выдвигаемое теми, кого возлюбленный Иосиф Виссарионович в свое время не добил, состоит в якобы имевшем место сотрудничестве Солженицына с администрацией тех исправительных учреждений, в которых он содержался. А что, спрашиваем мы, лучше было бы поднимать бунты? Лучше, чтобы так и не узнал никто о творящемся в ГУЛаге безумии и жестокости? Лучше было, непонятно, что и кому доказывая, сгинуть, превратиться в лагерную пыль? Тут уж старая истина о том, что «для достижения цели все средства хороши» приобретает особую актуальность – любой, чья жизнь хоть раз находилась в подвешенном состоянии, согласится с этим.

И вдвойне уж странно выслушивать подобные реплики из уст ревнителей сталинского режима. Не Сталин ли виноват в том, что одних без суда ставили к стенке, других замучивали до смерти, а третьи выживали ради жизни и свободы, ради возможности донести до человечества правду?! И уж, ежели вы так любите Сталина и его приемчики, то отчего сотрудник администрации воспринимается вами как враг? Вам самим-то не по дороге с Берия и Фриновским, Ежовым и Берманом, Ягодой и Блохиным?! Только, как говорил ваш «причта во языцех», устами своего солженицынского воплощения: «А ты не боишься, что мы тебя первого и расстреляем?»...

Весной 2016 года, в очередную годовщину его смерти, остановки всей Москвы запестрели плакатом, помещенным на обложке книги, с изображением его посмертной маски и слов «Помер тот, помрет и этот». Прошло всего два года – и ни одного голоса против. Значит, популярность «отца народов» растет, решили мы, и надумали дать свою вольную трактовку тоталитарной комедии о борьбе за власть весной 1953 года. Она отличается от фильма разве что большим историзмом, хотя смешного в ней никак не меньше, чем в экранной версии. По старой традиции, вторая часть исторического кроссовера посвящена нашим дням. Как знать, может, кто из читателей и себя на страницах узнает?..

Учили мы и пожелания наших антагонистов, поклонников вождя, предварив каждую главу его цитатой. Возможно, это скрасит в их глазах впечатление от книги, а в глазах иных раскроет Иосифа Виссарионовича в неизвестном доселе свете.

А память Солженицына, величайшего гуманиста всех времен и народов, сквозит здесь в каждой строке. Как нам кажется, мы не просто имеем право апеллировать к ней как люди, прошедшие ад путинских тюрем, мало чем отличающихся от тюрем сталинских, но и обязаны делать это в обстановке всеобщего почитания того, чью могилу еще вчера их предки сравнивали с землей. В данном случае, как говорится, кто, если не мы?..

В завершение разрешите поблагодарить за помощь в создании книги профессора Университета Осло Сигурда Йоханссона, чьи документальные исторические вставки выделены в тексте работы отдельными главами. Авторскую точку зрения на Сталина можно оспорить, но факты вещь упрямая, а ими историк владеет в совершенстве!

Приятного и полезного вам чтения (а, если захотите обсудить содержание книги с авторами, то и этому мы будем рады: aaronsvalner@gmail.com)!

Часть первая. Помер тот...

1.

Кадры решают все!..

Февраль 1953 года, Москва

Рабочий день министра обороны Николая Александровича Булганина начинается ни свет, ни заря – пока все труженики Страны Советов еще спят крепко и видят сны о мировой революции и мире во всем мире. Потому он и министр обороны, что встает раньше всех (а иногда и не ложится) во имя спокойного и мирного сна своих сограждан. Встает он тихо – чтобы не разбудить жену, что едва уснула после его ночного возвращения с работы в чуть живом от усталости состоянии. Маршальская форма всегда у него в шкафу, он надевает ее, освежается одеколоном и, стремительно спустившись по лестнице, впрыгивает в служебную машину, что мчит его по спящим еще улицам столицы в родное министерство. Сторож министерства Семеныч еще и глаз не сомкнул с тех пор, как покинул Николай Александрович свое рабочее место, а он уж тут как тут.

«Ну и здоров», – присвистывает Семеныч, отдавая на входе честь не замечающего ничего на своем пути руководителю. И впрямь он дюже здоров – несмотря на солидные уже годы, он еще залихватски отплясывает на всех правительственных приемах – да не что-нибудь, а «Барыню»!¹ А ее поди, спляши! Никто не сможет, кроме, пожалуй, Николая Александровича. Все это снадобье. Волшебное и чудесное, что сил министру прибавляет и для работы, и для пляски задорной. Потому и спешит он сейчас к рабочему месту, чтобы скорее из него сил жизненных почерпнуть и взяться с присущей ему неутомимой энергией за работу по обеспечению безопасности родины.

А оно уж и ждет его в кабинете! Прямо на столе, не допитое еще со вчерашнего вечера, а точнее, с ночи, когда товарищ Булганин, не в силах больше трудиться, закончил рабочий день. Стремительно как пуля летит министр к бутылке, дрожащей от предвкушения очередного бесконечного трудового дня рукой наливает в рюмку божественной жидкости, опрокидывает... хорошо!

Почувствовав, как головная боль улетучивается, министр подходит к окну, открывает его, закуривает. Холодно. Недаром на родине его есть поговорка: «Марток – надевай сорок порток!» Зима почти подошла к концу, метелей и выюг больше не жди, и оттого еще более трескучий мороз каждую ночь бьет по грязным московским улицам и мостовым, прогоняя блуждающих котов, собак и пьяниц прочь с заиндевелых Чистых прудов, обледенелой Москва-реки, промерзших и замусоренных Никитских ворот.

Чтобы не замерзнуть, министр замахивает еще рюмку. Потом еще. К девяти часам утра, когда все только подтягиваются в министерство, он уже готов. К труду и обороне. Вот только спать предательски хочется. И идет министр в комнату отдыха, что отделена тоненькой стеночкой от кабинета, и растягивается там на небольшой софе, погружаясь в сон до обеда и думая лишь о том, что какая-то важная мысль есть у него по расходам на оборону и надо бы, проснувшись, ее записать.

Тяжелая работа. Знают это подчиненные, и потому не рискуют беспокоить министра до обеда. После обеда можно – его уже отпустит, он станет добрее. Оттого, что в обед всегда посещает его добрый старый товарищ – министр внутренних дел товарищ Берия. Вместе они обсуждают вопросы государственного строительства, будущего страны. Генсек пока приболел, вот и легло на их плечи все руководство страной. Однако, товарищ Берия не так работоспособен как Николай Александрович. На работу он едет как и все, к девяти. Когда солнце уже встало и осветило грязь на улицах столицы, которая так раздражает Лаврентия Павловича. А

---

¹ Евгений Жирнов. «Булганин не смог больше переносить постоянных злобных выпадов Никиты». Беседа с Михаилом Смиртюковым // Коммерсантъ-Власть, № 33, 22.08.2011.

куда ее денешь? Весной всегда грязно, сколько ни кричи на пенитенциарное начальство, чтоб больше осужденных на уборку выделяло. Делать нечего.

И так едет Лаврентий Павлович в сопровождении давнего своего друга и заместителя Богдана Кобулова и с недовольством взирает на летающие по Москве бумажки, бродячих диких животных, текущую прямо по улицам грязь – талые воды попеременно с канализационными стоками.

– Ну и говно эта Москва, – говорит товарищ Берия. Соглашается с ним товарищ Кобулов:

– Да, не то, что у нас в Кутаиси, а?

– Эээ, – улыбнулся товарищ Берия. – Ты же армянин!

– Но вырос-то я в Кутаиси!

– Ладно, хватит трепаться. Делом займись. Смотри, какая идет...

Машина министра остановилась на светофоре. Дорогу переходила миловидная девушка – стройная и рыжая. Сидевшему за рулем усатому красавчику в форме МВД улыбнулась – понравился, значит. Еще бы, кому же грузин не понравится? А разве может быть такое, чтобы подчиненный нравился, а начальник нет? Совершенно исключено. Никогда такого не бывает. И потому уже несколько минут спустя машина товарища Берия сделала лихой вираж на перекрестке и проследовала за улыбающейся гражданской. Так уж хитро машина устроена, что спереди пассажиров, сидящих на заднем сиденье, не видно. Вот и решила девица, что только лишь шоферу она приглянулась. Он за ней едет – она улыбается. И только стоило ей подойти к какой-то двери, за которой, судя по всему, находилось ее рабочее место, как солидный товарищ Кобулов выскочил из машины и перегородил ей дорогу:

– Товарищ девушка!

– Слушаю, товарищ генерал?

– Скажите, какая политически грамотная! Служили?

– Да нет еще.

– А послужить надо. Родине.

Девушка вмиг посерьезнела:

– Как же я могу?..

– Вас товарищ Берия к себе приглашает!

– Сам товарищ Берия?! Ну я даже не знаю...

– Да что там знать – вон он, в машине сидит.

– Да ладно вам, шутить... – поворачивается к товарищу Кобулову спиной. Ну разве первый заместитель министра такое в силах вытерпеть?! Выхватывает товарищ Кобулов наган и кричит:

– А-ну, садись в машину, проститутка!

Видя, что волнуется их начальник, выскочили из машины молодые ребята из сопровождения, в их числе и тот молоденький, что понравился барышне. Окружили ее, хватают. Она в крик, на помощь звать, да только бдительные советские люди, что мимо идут, сразу видят, что тут дело не чисто. Кругом враги, и наши доблестные чекисты, как видно, разоблачили шпионку иностранную, а задержать их – дело мудреное. Недаром их там за кордоном всяким премудростям да штучкам учат. Виданое ли дело – шпиона под такую красивую девушку замаскировать?! А, может, завербовали?! Ничего, разберутся товарищ Берия и его аппарат.

Пока сам товарищ Берия наблюдает за происходящим из машины, думает он все же о делах государственных. А если предположить, что она и впрямь шпионка? Возможен такой вариант? Еще как возможен. Тогда МВД не вправе с ней никаких действий предпринимать, ее надлежит в МГБ передать, которое больше Лаврентию Павловичу не подвластно. Сидит там этот дурак Игнатьев и ротозейством своим всех шпионов мимо ушей пропускает. Конечно, первым замом у него друг Лаврентия Павловича, товарищ Гоглидзе, но все равно... не дело это, чтобы два министерства одним и тем же занимались и друг другу препятствия учиняли.

Сокращать надо министерства ненужные, прав товарищ Маленков. Надо будет подумать об этом, а пока пищащую гражданку запихивают в черный ЗИС, и уносится он далеко под Москву, в район полигона «Коммунарка».

Только гражданка на заднее сиденье упала – как стекло, отделяющее водителя от пассажиров, опустилось и понеслась! Понеслась воспитательная работа, равных в которой товарищу Берии нет и не было. У него не забалуешь! Да так воспитывает, что тяжелая машина буквально ходуном ходит. Вот так министр! А если к делу еще и первый заместитель подключится, то совсем здорово шпионку перевербуют! Двойной агент будет после двойного проникновения внутрь нее нашей советской интернациональной идеологии!

Как на «Коммунарку» приехали, так товарищи Берия и Кобулов из машины вышли и пошли покурить – после такой насыщенной воспитательной работы завсегда покурить хочется. Их места сразу заняла охрана министра. Сам министр с подчиненным пока обсуждали ситуацию в стране.

– У нас, Лаврентий, есть сведения насчет этого посла в Китае, с тройной фамилией...

– С тройной?

– Да, кажется, Бовкун-Луганец-Орельский.

– Ишь ты, точно шпион. Только они под такими замудренными кличками прячутся.

– И мы так думаем. Мы его в Китае арестовали и в Сухановскую тюрьму пока определили.

– Ну что ты, Богдан?! Зачем?! Посла и так грубо арестовывать?!

– Работал на китайскую разведку.

– Ну и что? Все равно с послами так нельзя. Он ведь наверняка там резидентом был. Арестовал его – остальных спугнешь. Как теперь узнаешь, кто еще в его разведгруппу входил?

– Так он уже на них показания дал.

– Замечательно. Тогда тем более отпустите.

– Отпустить?

– Да. С женой арестовали?

– Так точно, товарищ маршал, с женой.

– Отпустить с женой. Его молотком зашибешь у нее на глазах, его задушишь. Потом торжественные похороны устроим...²

– Но зачем, он же шпион?!

– Ну ты и болван! Вправду говорят, все армяне тупые! Он посол, а это значит, как мы его, не проверив должным образом, на такую ответственную должность назначили?! Значит, у нас бардак?! Значит, это тебе надо молотком по башке звездануть?!

– Вай, какой вы умный, товарищ маршал! – одумался Богдан Захарович. – Вам бы председателем правительства быть, никак не меньше!

– Кстати, где у нас сегодня этот толстозадый дурак?

– В Ленинграде, товарищ маршал. В музей пошел.

– Вот долбо... Страна в руинах после войны, никак в себя прийти не может, а глава правительства по музеям разъезжает, заняться ему нечем! Э, Кобулов, ты мне дай срок, я их всех раком поставлю! Ну что они там так долго ее трахают?! Мне на работу пора! Молодые так быстро кончать должны!

– Прикажете кончать?!

– Прикажу.

Побежал Богдан Захарович к машине. Глядь – оттуда уж все помятые вылезают, а с ними гражданка чуть живая. Вооружились хлопцы наганам и давай ее по полигону гонять. Видя это, Лаврентий Павлович понял – без толку все. Не перевоспитаешь шпионов иностранных. Побегали так еще минут 20 и кончили гражданку из стволов. Зря только перевоспитывать ее

---

² Тайные убийства по приказу Сталина // «Новая газета», Спецвыпуск «Правда ГУЛАГа» от 16.06.2010 №08 (29)

пытался маршал Советского Союза, из-за нее на целый час на работу опоздал. Да, на работу он ехал к девяти. Приезжал не всегда к девяти. Ну да, министр – человек занятой. Что нам на это смотреть?

А в это самое время в Ленинграде Георгий Максимилианович Маленков с выражением явного неудовольствия на лице ходил по коридорам и галереям музея истории блокады Ленинграда. Черным пятном в истории страны и в сердце каждого, имевшего к блокаде хоть какое-то отношение, останется печальная година. Потому, наверное, и нет лица на председателе Совета министров. Или нет? Или дело в другом? А спросим об этом у него самого.

– Ну и что же это такое, товарищи дорогие?

– А что? – спрашивают.

– Как это называется?

– Так ведь... музей, товарищ Маленков.

– Да нет, это не музей. Музей – это учреждение культуры и искусства, а перед нами – камера пыток какая-то! Кому может понравиться смотреть на такое вот? В музей в выходной даже с детьми ходят, а от этого говна взрослому блевать захочется! Что это вообще такое? Кому это в голову пришло демонстрировать?..

– Как же, – робеет заведующий, – ведь это наша история! Больше всех жертв в войну понесли, так что ж теперь, молчать об этом? Как же можно, товарищ председатель Совета министров?

– Да так! Вы хотите показать здесь, что, дескать, город был в блокаде и сражался с гитлеровцами как мог. А товарищ Сталин, по-вашему, где был в это время? В Москве. Я был с ним рядом и знаю, что там иногда было погорячее, чем в вашем хваленном Ленинграде. И бомбы летели, и прятаться приходилось. А товарищ Сталин не бросил вас, не убежал в тыл, а организовал дорогу жизни, поставки продовольствия. Знаю, что мало! Ну и что?! Ему за весь фронт тогда думать приходилось, за всю страну. Из-за вас теперь болеет, что здоровье на войне подорвал, а вы ему, вместо благодарности – претензию под нос! Так мол и так, товарищ Сталин, бросил ты нас, мы тут сами с усами. Пованешали тут Кузнецовых всяких... – Маленков окинул недовольным взглядом портрет покойного товарища, что по размерам превосходил портрет вождя на входе. – Кузнецов за вас думал?! Враг и вредитель! А товарищ Сталин не думал?..

Совсем ничего заведующий не поймет, а товарищ Маленков знай себе бушует:

– Что это вообще тут такое? Оружие поставили! А ну, как выстрелит?! Людей побьете!

– Никак нет, Георгий Максимилианович. Не может оно, оно ж трофейное, давно из строя вышло.

– Э, не знаете вы немца. Он на совесть все делает, не то, что наши зассанцы, его оружие и век стоять может без дела, а потом кааак трахнет! Нет, убирайте. Убирайте все, я сказал.

– А что же нам посетителям сказать?

– Не знаешь?! – покраснел Маленков. – Не знаешь, сука, что сказать? Ну тогда я сам скажу. А ну ведите всех посетителей экспозиции мне сюда. Давай сюда голубчиков!

Минуту спустя товарищ Маленков, взобравшись на трибуну в музейном актовом зале, уже перед народом распинается:

– Товарищи! Что вы тут видели?! Вы тут видели огромное количество боевого оружия. И не только о пушках и пулеметах я говорю, но и об оружии идеологическом. Я вот посмотрел и прямо обомлел, товарищи. Что же это получается? Ленинградцы сражались, а мы все нет? Их все бросили, бедненьких, включая товарища Сталина?! Наглая ложь! Он о них думал, и только благодаря ему они все тут живые и здоровенькие стоят, от харь хоть прикуривай! Разложить хотят мозги нации, историю вспять повернуть, оболгать! Не выйдет, голубчики! Всех

расстреляем! Ишь, говно! Свили тут, понимаешь, антисоветское гнездо! Только врагу может быть выгоден миф о блокаде Ленинграда!³

Сказал – и замолчал. Мертвая тишина, знакомая, пожалуй, только блокадникам, повисла в воздухе – так резко и абсурдно звучала фраза главы Советского правительства. Сам товарищ Маленков, любитель и мастер переговоров, которого за глаза ближайшее окружение называло «телефонщик», казалось, испугался. Потому сошел со сцены и заговорил с народом более мягким, вкрадчивым тоном:

–Я хотел сказать, что недаром тут столько оружия, товарищи. Вы же сами видите. Зачем столько единиц боевой техники мирному советском музею? Слепому видно, что тут скрылась тщательно законспирированная троцкистско-гитлеровская группировка, а мы ротозействуем, мимо ходим, да музейными экспонатами любимся. А тут в набат бить надо! И я не просто так говорю, товарищи, – глава Совмина снова начинал наращивать тембр голоса. – Не просто так говорю «бить». Это не переносное значение, а самое прямое!

–Да как же бить, товарищ Маленков? – голос заведующего уже дрожал. Казалось, старик вот-вот отдаст Богу душу.

–А вот так!

Георгий Максимилианович схватил лопату – и откуда только она тут взялась – и с неистовыми воплями стал крушить постаменты и бюсты, боевую и гражданскую технику, стопки рукописей и стенограмм. Он визжал и с новой и новой силой опускал лопату на экспонаты, а служащие стояли и смотрели, не в силах ничего понять. Минуту спустя клубы пыли поднялись в воздух и почти целиком скрыли фигуру столичного гостя. Тогда, глядя на него, и другие посетители похватили у кого что было и принялись крушить вражеское гнездо! И только пыль чуть-чуть рассеялась, как смотрит Георгий Максимилианович на все происходящее и умиляется – как же дружно наши советские граждане борются с общим врагом, когда нужно!..

К полудню от музея остались одни стены, а уже в час дня товарищ Маленков прибыл в Ленинградский обком партии, чтобы выступить с докладом на эту тему. Тут его и застал звонок товарища Берия.

–Ты что там делаешь?

–Музей громил, – смеялся в трубку Георгий Максимилианович.

–Какой еще музей?

–Истории блокады Ленинграда.

–Чем он тебе помешал?

–А там говорили, что товарищ Сталин бросил ленинградцев во время войны на произвол судьбы. Не могу я такого терпеть.

–Мне кажется, ты все усугубляешь. Причем тут блокада?..

Георгий Максимилианович прикрыл трубку рукой и заговорил вполголоса:

–В том-то и дело, что тебе кажется. Ты вот не знаешь, а вокруг только и твердят: «Сталин болен да помирает». Они его со счетов списывают, и нас заодно. Никак нельзя этого допустить, Лаврентий, никак, ты это не хуже меня знаешь.

–Ну изволь, изволь. Я тут Булганину привез отчет о выполнении МВД плана по лесозаготовкам для страны силами осужденных на 1953-1954 годы. Да и к проекту бюджета, думаем, пора приступить. Тебя ждать?

–Да, завтра-послезавтра приеду, без меня ничего не обсуждайте. Будут поправочки.

–Добро.

Берия положил трубку и взглянул на Булганина.

–Ты ему звонил?

---

³ А. А. Шишкин, Н. П. Добротворский. Государственный мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда // История Петербурга № 1 (17), 3 (19), 4 (20). 2004, 3.

–Звонил, а что толку? Он просил без него бюджет не обсуждать и сказал, что вернется на днях...

–Надо же, как скверно. Ко мне тут министр печати приходил, надо срочные новости согласовать, а без его визы никак...

–Это как раз не беда. Пусть печатают прошлогодние. Свежие новости плохо влияют на наш народ.

–А ты прав, Лаврентий. И как это я сразу не сообразил?

–Я хотел с тобой другой вопрос обговорить, для решения которого нам Жорик как раз не нужен. Охрана вождя.

–А что там не так?

–Кто же знал, что этот Власик таким пидором окажется? Что в «дело врачей» ввяжется и сам захочет нашего дорогого и любимого на тот свет отправить? Вот же блядуга! Сейчас бы разобраться, кто его к Иосифу Виссарионовичу подсунул, да кишки ему выпустить...

Булганин расхохотался:

–Так и разбираться нечего. Ягода. Выпустили уж.

–Эх, жаль.

–А чем тебя его нынешний не устраивает? Новик?

–Да что меня?! Он генсека не устраивает...

–Да ты что?! – всплеснул руками Булганин. – Неужто жаловался?

–Намекал. Дескать, непонятливый. А у Иосифа Виссарионовича из-за этой его непонятливости проблемы со здоровьем начинаются... Понимаешь, о чем я? – Берия понизил голос и подмигнул Булганину.

–Кажется, да, – задумался Николай Александрович, – но что же делать?

–Надо искать ему замену. Ну или хотя бы, если уж не начальника охраны – где ты в наше время проверенного генерала найдешь? – то хотя бы ближайшего приставленного к нему часового. Совсем Коба без Власика погибает...

–Может, с Георгием поговорить на эту тему?

–С Жуковым? Ну давай, поговори. Он к нему такого охранника приставит, что мы с тобой через пару месяцев вместе с Власиком будем на одной параше дежурить. Хочешь этого? Или не знаешь, что Жуков и тебя, и меня не заслуживающими высокого звания маршала считает и засранцами?

–Знаю, но... неправ он. Ну и что, что он на передовой был? А я Госбанк возглавлял, а без денег какая победа? Так чем я не министр обороны? Чем не маршал победы? А ты – за безопасностью следил. Да если бы не ты, шпионы да враги давно бы изнутри его хваленую амию подточили и дожрали до конца.

–Поди ему объясни... Только не подходит он нам в этом вопросе и Жорик тоже.

–А Жорик почему? – удивленно вскинул брови Булганин.

–Ты его еще не знаешь. На мир через бутылку смотришь, а случись что, он и нас с тобой с дерьмом схавает. Давно на меня зуб точит, а заодно и на тебя – силовики всегда заодно. Так что этот вопрос мы с тобой должны решить сами...

–Ну ты – кадровик опытный, у тебя и вся сталинская охрана в подчинении. Думаю, ты разберешься, а я возражать не стану.

–Да пришел бы я к тебе, если б кадры были?! У меня, ты знаешь, кругом одни грузины, а они народ гордый. Вождь предложит чего, а они в отказ. Чего тогда, стрелять их?! А ты русский, ты мне помочь должен. Найди мне человека, Коля. Не дай Бог, что с вождем случится, мы с тобой в такой жопе окажемся...

–А вот тут ты прав! Надо сообща спасать вождя и его здоровье. Ну давай, за него по рюмочке.

Хоть не любил Лаврентий Павлович средь бела дня к бутылке прикладываться, а от такого святого тоста отказаться было грешно. Выпил. Полегчало.

На ловца и зверь бежит. Сидят себе министры, о будущем подумывают, и не знают, что уж приехал на Ярославский вокзал поезд из Горького, и привез он с собой земляка товарища Булганина – бравого парня Артема Папанова. Хорош Артем и лицом, и телом – как-никак деревенский парнишка, кровь с молоком. Отучился в Горьковском автотехникуме, устроился там шофером на автобазу. Да вот беда – как последнее время заболел вождь, так стал товарищ Маленков рабочие места по всей стране сокращать. Ну, гражданские, разумеется. Денег хватать перестало, а расходы на оборону все росли. Да и как иначе – кругом ведь враги?! Третья мировая со дня на день грянет. Так и объяснил Темке заведующий базой товарищ Пугач, когда увольнял по сокращению штатов. Вот и решил паренек в Москву податься за длинным рублем. Только и тут не лучше – сокращения да увольнения изо дня в день как из рога изобилия, а безработных да воришек карманных по всей Москве как грязи. Только не пугает это скромного горьковского паренька, с улыбкой он столицу встречает, осматривает. Потому что знает, куда ему идти надлежит. И вот, взяв подмышку нехитрые свои пожитки, едет он прямоком на трамвайчике до самого Министерства обороны, где сидит его величественный земляк, Маршал Советского Союза Николай Александрович Булганин. Вот только беда – малость на улице задержался, зазевался, наблюдая, как доблестные советские чекисты шпионку ловили. Как будто сам первый замминистра товарищ Кобулов сейчас там был... Хотя, просто похож, наверное. Потому и явился Темка на прием только к обеду – судьба подфартила, как знала, стерва, что сейчас у Николая Александровича самое приемное время.

–Здоровья желаю, товарищ маршал! – отчеканил с порога солдатик.

–Ты кто такой? Как сюда попал?

–Через вашего адъютанта, товарищ маршал.

–Чего тебе?

–Я к вам из Горького. Вот, гостинцы привез...

Упоминание о малой родине растопило суровое сердце министра, он поднялся из-за стола, обнял земляка, принял посылку с солеными огурцами и рыбой. Спрятав ее в комнате отдыха, велел земляку усаживаться и чувствовать себя как дома – пускай знает всякий гражданин Советского Союза, что любой министр может принять его вот так, запросто, в любую минуту.

–Привет вам от бати привез.

–От какого бати?

–Так от вашего, товарищ маршал!

–Ты что несешь?! Мои родители умерли, – покраснел маршал и как будто бы расстроился – еще бы, кому приятно о покойниках слушать.

–Да как же умерли, Николай Александрович?! Батя ваш, Александр Палыч, жив-здоров, с моим батей знается. Они работали вместе еще при царе – Александр Палыч приказчиком был на заводах Бугрова,⁴ а мой батянька-то там же трудился мельником.

Ну разве может быть такая биография у Маршала Советского Союза?! Бред! Верно, спутал парнишка – вот потому встал Николай Александрович, забежал, в комнату отдыха сходил, вернулся, жуя лимон и выдыхая.

–Ты это... не сочиняй давай. Мой отец батрачил на тех же бугровских заводах, это факт. А ты меньше всякие сказки слушай. Рассказывай лучше, что тебе надо. Да, кстати, а как тебя зовут?

---

⁴ Валерий Бурт. Николай Третий // Свободная пресса, 11.06.2015.

–Артемка я. Папанов, – широко улыбнулся парень. Булганин посмотрел на него и сам невольно осклабился – так парень был красив. Широкий в плечах, зубы как алмазы, с лица загорелый, а волосы русые. Ну ни дать – ни взять Илья Муромец.

–Так что тебя, Артемка, в мой кабинет привело?

–Мне бы на работу устроиться, товарищ маршал. Я шофером на городской автобазе Горького работал, а сейчас сокращать всех стали, меня с автобазы и выперли. Я к батю, а он с вашим посоветовался и говорит – езжай, мол, Артемка, в столицу к самому Николаю Санычу Булганину и в ноги ему падай. Проси, должен помочь.

–Вот те раз, – всплеснул руками министр. – Да разве я биржа труда? Куда же мне тебя устроить?

–Не прогоните, отец родной! Некуда больше идти! Пропаду в Москве, – взмолился Артемка. Николай Александрович внимательно посмотрел на него, как будто изучающе. Потом снова сбегал в комнату отдыха, позвонил там каким-то стеклом и вернулся, хитро улыбаясь.

–А ты знаешь... мне кажется, я знаю, куда тебя пристроить можно. Сейчас вот по телефону позвоню и приедет сюда твое новое начальство. Ты его по всем слушаешь. Работа непыльная, но, если плохо будешь работать, голова с плеч. Ну а уж если сдюжишь – звезду с неба достанешь. Понял? – Поднял министр трубку телефона и заговорил туда: – Лаврентий? Я тебе нашел человека. Приезжай, он у меня.

2.

Жить стало лучше, жить стало веселее!..

Пара часов пролетела для Артемки незаметно – ходил по Министерству, все изучал, смотрел, с товарищами знакомился. Интересно все здесь, кабинеты широкие да высокие, не то, что в его провинциальном Горьком. На стенах портреты вождей – а одного из них Артемка уже и вживую видел. Такое большое здание, что, кажется, за целый день не обойдешь. Да и отвлекли:

–Пойдем, – говорят, – товарищ Берия приехал на тебя посмотреть.

Надо же! Сам товарищ Берия! В жизни оказался точно таким же, как на портрете – правильные черты лица, лоснится весь от пота (работает ведь много), пенсне.

–Ну что, Артемка, – с легким грузинским акцентом спрашивает товарищ Берия. – Понимаешь, на какую работу тебя Николай Александрович рекомендует?

–Никак нет, товарищ маршал.

–Охранять товарища Сталина!

Артемку оторопь взяла – как же так, он, простой паренек, да охранять станет самого Сталина?! Как же ему такую честь доверили, да и справится ли он?

–Там много ума не надо, – продолжает товарищ Берия, – главное все указания начальника охраны Новика и самого товарища Сталина выполняй, и пойдешь так далеко, как твоим товарищам и не снилось. Понимаешь, о чем я?

Какое там ему понимать – у него словно уши заложило, и земля ушла из-под ног, после такого-то известия! Правда, скоро уже в чувство его привели – когда они вместе с Лаврентием Павловичем к нему в Министерство отправились. Там его переодели и уже к вечеру отправили на ближнюю дачу.

...Хорошо за городом. Вообще Подмосковье – одно из красивейших в мире мест, если брать в расчет пригороды с их лесами и горами. Покидая Москву и оказываясь в ближайшем Подмосковье, словно бы попадаешь в сказочную страну, где звери и птицы живут под сенью высоких деревьев, воздух наполнен их звуками и шумом крон, а атмосфера такая, что можно на куски ее резать да есть. За один день столько событий в жизни простого паренька, что, кажется,

отдельную жизнь успел прожить. Строгие взгляды московских вождей, изучающе смотрящих на Артемку, и, наконец, добрый теплый взгляд сына Сталина – юного генерала Василия, встретившего его на даче.

– Ну привет, – протягивает ему руку герой Советского Союза. – Меня Вася зовут. А тебя?

– Артемка, – робея, отвечает новый охранник вождя.

– Новик уже спит, утром представим тебя ему. Да и вождю заодно. А пока пойдем со мной.

Добрым взглядом проводил его адъютант товарища Берия, и вот уже идут они в обнимку с генералом Василием в его апартаменты – у него тут отдельный дом недалеко от дачи. Охрана вокруг, но, конечно, меньше, чем вокруг дома вождя.

– Ну что, Артемка, меня ты знаешь, а я с тобой только сегодня познакомился. Значит, есть повод выпить за знакомство.

Наливает. Пьют, хоть Артемка и не хочет. Не то, чтобы не хочет – робеет, скорее. Как будто на Олимп взошел или на сказочную гору самоцветов. Оттого и водка особенно пьянит, и воздух кунцевской дачи кажется особенным, кружащим голову и дурманившим. Может, все это и не с ним происходит, не с Артемкой? Может, только кажется ему, что так высоко он воспарил меньше, чем за сутки? Да нет, обычно кажется что-то плохое и мерзкое, а такая красота разве может казаться? Она может быть только сном, но этот сон слишком затянут, чтобы не быть реальностью.

Водка быстро опьянила Артемку, свалила с ног. Еще бы – в такой-то компании. Добрым взглядом смотрит на него, засыпающего, Василий Сталин, гладит его по голове, как будто жалеет, – это последнее, что он запомнил. А утром проснулся от того, что в доме Василия Сталина стоял сумасшедший грохот. Солнце еще не взошло, и потому шум привлек внимание Артемки.

– Что это, Василий Иосифович? – спрашивает.

– Футболисты.

– Какие?

– Наши, сборная. Сейчас пока тут потренируются, потом на улицу их выгоню, как рассветет. Совсем обленились, сукины дети. Немудрено – столько лет без международных соревнований. А теперь Олимпиада на носу, надо хотя бы в финал выйти. Отец просит уделить этому особое внимание, если проиграют, сказал, всех к стенке поставит, – смеется генерал Василий.

– Так если столько лет международных состязаний не было, как же они выиграют? – удивляется Артемка, который сам в детстве в Горьком мячик гонял.

– Соображаешь... – протянул ему молодой генерал маленькую ампулу – такие обычно используют медсестры, когда уколы ставят.

– Что здесь?

– Особый состав, который поможет силы обрести и одержать долгожданную победу.

– Разве такие существуют?

– А то. О наркотиках что-нибудь слыхал? Так вот не все из них вредные и опьяняют. Есть такие, какие человека делают особенно сильным, спортивным. Его такого и вчетвером не сломить. Он тебе эту золотую медаль с неба как звезду достанет. Правда, изнашиваются быстро – да и пусть. Что с них толку, если не играют? Каждый ведь должен своим делом заниматься, ты согласен? Они играть, ты охранять... Кстати, об охране. Похмелись и отправляйся к полковнику Новичу, он тебе даст полный инструктаж. В обед с отцом познакомишься...

– ...Артемка... Хорошее имя... Революционное, – рассудительным, тихим голосом говорит товарищ Сталин, не поднимая глаз от бумаг, разложенных на столе. – Товарищ у нас такой был боевой, Артем звали. Его потом интервенты убили. А ты береги себя. Если себя беречь не сможешь, то как меня станешь?.. – Молчит Артемка, помнит инструктаж Новича, который велел говорить, только когда вождь дозволит. – Завидую я тебе, Артемка. Молодой ты, горячий. На улице мороз, а ты можешь в одной гимнастерке ходить...

Не выдержал Артемка:

–Тут все так ходят, товарищ Сталин. Вы как солнце, вы нас согреваете. Если вы рядом, нам и зимой тепло.

Улыбается товарищ Сталин:

–Правильно начинаешь. А вот только, если я солнце, то почему мне самому холодно?

–Потому что вы, товарищ Сталин, о себе не думаете и не заботитесь, только о других. Пока на других все силы израсходовали, на себя-то и не осталось...

–Тебе бы не охранять, а сказки писать. У меня в Москве много сказочников в правительстве сидят. Ты же от Булганина пришел? Он тебе пост в Министерстве не предложил?

–Никак нет, – недоумевает Артемка, хоть и упреждал его Новик, что тот шутить любит.

–Был у меня один охранник –сказочник. Власиком звали. Когда Зиновьева и Каменева расстреливали, сам присутствовал и вспоминал потом, как те сапоги палачам целовали. Интересно, кому он сейчас в тюрьме сапоги целует, а? – вождь рассмеялся, Артемка тоже. Но смешно на самом деле ему не было. – Ладно, не робей. Сейчас уже не те времена. Видишь, куда меня твои друзья Берия и Булганин затолкали? На дачу. Руководить страной не дают...

–Вам отдыхать надо, товарищ Сталин.

–Вот и они так говорят. Только просрут все. Уже почти просрали. Вот, смотри... Передали мне на подпись запрос о выделении финансирования какому-то подмосковному совхозу... Посев озимых сорвали, а все потому, что совхоз недалеко от Кунцева, и навоз, который перед посевом на поля выбрасывают, мог воздухом сюда долететь и мне тут атмосферу отравить. Потому финансирование на приобретение навоза у соседнего колхоза не дали. Но потом обосрались – и мне направили запрос. Мол, если я разрешу, то финансирование выдать. А перед этим пинали бумажку между собой – Маленков Булганину, Булганин Берия, Берия опять Маленкову... Ну разве это руководство? Разве так руководят?

Улыбнулся Артемка.

–Ну что вы, товарищ Сталин, кто я такой, чтобы оценивать действия вождей?

–А ты коммунист?

–Кандидат.

–Бардак. Приму тебя в партию, но только если труды Ленина выучишь. Хоть и дурак он был, а умные мысли пропускал. Среди них, например, что каждая кухарка должна уметь управлять государством. Ты, что, хуже кухарки? Учись масштабно мыслить. Ладно, пойдем погуляем. Помоги одеться.

Скромно одевается вождь – только френч без погон зеленого цвета, шинель солдатская, фуражка, сапоги высокие. Вблизи он, конечно, старше, чем на портретах. Оно и понятно, ему 74 года.

Зима почти кончилась, но местами в местном леске снег еще лежит. Воздух морозный, свежий, терпкий, одно удовольствие его вдыхать. Как вдруг решил закурить товарищ Сталин – хоть врачи и запрещают ему, а все же время от времени знаменитая сталинская трубка появляется у него в руках. Потрошит сигареты «Герцеговина Флор», а табаком трубку набивает. Запах хоть и приятный, но очень уж крепкий – здоровому человеку закашляться можно. А товарищ Сталин кашляет только от свежего воздуха – настолько легкие привыкли к табаку крепкому. Вдохнул Артемка, едва сдерживая кашель.

–Что ты? Крепкие? – спрашивает вождь.

–Очень.

–Ничего, это качественный табак, не советское говно. Наши сигареты курить невозможно, такая вонища стоит, что хоть топор вешай. А эти приятно.

–А как же здоровье, товарищ Сталин? Ваше здоровье...

–Ты тосты с Василием опрокидывать будешь!

–Да нет! Ваше здоровье принадлежит революции.

–Да брось ты, не нравится мне этот культ, это чинопочитание. Чем-то колонизаторским отдает... Вот к примеру, ты знаешь, чем вон то дерево знаменито?

–Никак нет.

–Товарищ Мао Цзэдун, когда ко мне в гости приезжал, прямо под ним хезал.

–Что, простите? – в отличие от товарища Сталина, полжизни проведенного в ссылках да тюрьмах, Артемка этого уголовного жаргона не знал.

–Срал, срал!

–Как? – покраснел молодой охранник.

–Да вот так! – и показал товарищ Сталин своему юному другу, что то, что приемлемо для его китайского коллеги, и ему самому не чуждо. А что такого? Абсолютная органика, природа все впитает. Посмеялся в душе Артемка, да ничего не сказал.

А после обеда любит товарищ музыку слушать. Рояльные композиции Бетховена и Шуберта исполняет для него его любимая пианистка Мария Юдина. И замечательно же играет! А между композициями рассказывает вождю о своем видении различных вопросов, в том числе, государственных – прав, значит, вождь в том, что сторониться их никому не следует. Внимательно слушает ее Иосиф Виссарионович, даже тогда, когда та критикует кого-то из чиновников или навязанный ими государственный курс! И сложно же ему работать, почти-точно думает Артемка, ведь всех выслушать это уже само по себе какой труд!

Так время до ужина и пролетело. Ничего товарищ Сталин не подписал, обрекая совхоз остаться без навоза, даже его собственного производства, только музыку слушал да рассуждал. И за то судить его тоже не надо – при такой работе сложно подчас резко сосредоточиться, да еще на таком мелком вопросе!

А после, за ужином, усадив Артемку с собой за стол и опоив его прекрасным грузинским вином, присланным из родного Гори, товарищ Сталин вдруг обратился к нему:

–Что это?

–Где, товарищ Сталин?

–В тарелке.

–Кукуруза.

–Понятно, а чья это кукуруза?

–Ваша.

–Нет, не коммунист ты еще... У нас ее столько не растет, вот покупаем у Америки. Значит, вражеская кукуруза. Если б знали американцы и их президент, этот дурак Эйзенхауэр, что вождь будет есть их кукурузу, наверняка бы отравили, а?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.